

Гайдар Аркадий Петрович

Обрез

Аркадий Гайдар

Обрез

Мой помощник Трач подъехал ко мне с таким выражением лица, что я невольно вздрогнул.

- Что с вами? - спросил его я. - Уж не прорвались ли геймановцы* через Тубский перевал?

* Геймановцы - солдаты белого генерала Геймана.

- Хуже, - ответил он, вытирая ладонью мокрый лоб. - Мы разоружаемся.

- Что вы городите, - улыбнулся я. - Кто и кого разоружает?

- Мы разоружаемся, - упрямо повторил он. - Я только что с перевала. Эта проклятая махновская рота уже почти не имеет винтовок. Я наткнулся на такую картину: сидят четыре красноармейца и старательно спиливают напильниками стволы винтовок. Я остолбенел сначала. Спрашиваю:

- Зачем вы это делаете?

Молчат. Я кричу:

- Что же это у вас из винтовок получится, хлопущки?.. Ворон в огороде пугать?!

Тогда один ответил, насупившись:

- Зачем хлопущки?.. Карабин получится: он и легче и бухает громче, из его ежели ночью по геймановцам дунуть - так горы загрохочут - вроде как из пушки.

Нет, вы подумайте только: ка-ра-бин... Я ему говорю:

- Думать, что если от винтовки ствол отпилить, то кавалерийский карабин получится, так же глупо, как надеяться на то, что если тебе, балде, голову спилить, то из тебя кавалерист выйдет!

Трач плюнул и зло продолжал:

- Я даже не знаю, что это такое... Это нельзя назвать еще изменой потому, что на перевале они держатся, как черти, но в то же время это прямая измена, равносильная той, что если бы кто-нибудь бросил горсть песка в тело готовящегося к выстрелу орудия.

- Вы правы, - ответил ему я, - это не измена, а непроходимое невежество... Четвертая рота к нам прислана еще недавно, в ней почти одни бывшие махновцы... Поедемте к ним.

И пока мы ехали, Трач говорил мне возмущенно:

- Когда-то я бесился и до хрипоты в горле доказывал, что снимать штыки с винтовок безумие. Ибо винтовка машина выверенная, точная, ибо при снятом штыке перепутываются все расчеты отклонения пули при деривации...* Но это же пустяки по сравнению с тем, когда отхватывают на полторы четверти ствол. Стрелять из такой изуродованной винтовки и надеяться попасть в цель - это так же бессмысленно, как попробовать попасть в ми-

шень из брошенного в костер патрона. Да что тут говорить... Вот погодите же, я сейчас докажу им... Они позаткнули свои рты, - и он зло рассмеялся.

* Деривация - отклонение а полете пули от прямолинейного движения.

- Что вы хотите сделать? - спросил я.

- А вот увидите, - и он насмешливо качнул головой.

Мы подъехали к перевалу. Нагроможденные в хаотическом беспорядке огромные глыбы тысячепудовых скал то и дело преграждали путь. Последний поворот - и перед нами застава.

Построили роту развернутым фронтом. Скомандовали "на руку". Пошли вдоль фронта. Вместо ровной щетины стальных штыков перед нами был какой-то выщербленный часток кол хромых обрезков, из которых только изредка высывались стволы необрезанных винтовок, но и те были без штыков...

Я покачал головой, Трач отвернулся вовсе. Видно было, что это убогое зрелище выше его сил.

Скомандовав "к ноге", я начал речь с нескольких крепких, едких фраз. Говорил я долго, убеждал, доказывал всю нелепость уродования винтовок, ссылаясь на стрелковый устав. Под конец мне показалось, что речь моя имеет некоторый успех и доходит до сознания бывших махновцев.

Но это было не совсем так, ибо когда я кончил, то сначала молчали все, потом кто-то из заднего ряда буркнул:

- Что нам, впервой, что ли?..

И сразу же прорвалось еще несколько голосов:

- А как мы возле Александровска обрезами белых крыли?

- Как так не попадает?.. Тут самое важное - нацелиться, - слышались поддерживающие голоса.

Трач, резко повернувшись, подошел к маленькому рябому махновцу, горячо доказывавшему, что надо "только нацелиться", и, дернув его за рукав, вывел вперед фронта... Потом отдал какое-то приказание. Из-за кустов притащили самый обыкновенный пулеметный станок Веккера. Трач взял обрезок, приладил его наглухо к станку и навел его на большой расшибленный сук стоявшего в пятидесяти шагах дерева.

- Смотри, - сказал он махновцу.

Тот посмотрел, мотнул головой удовлетворительно и отошел. Подошел я. Края мушки приподнялись как раз посредине и вровень с прорезью прицела. Обрезок был направлен точка в точку в сук.

- Что вы хотите делать? - спросил я.

- Я стану туда сам, - ответил Трач.

- Что за глупости? - заволновался я. - Конечно, это обрезок, но зачем все-таки рисковать?

- Никаких "но"... и никакого риска, - холодно ответил Трач и спокойными шагами пошел к дереву.

Красноармейцы один за другим подходили к обрезку, щурили глаза и, качая головой, отходили прочь.

Трач мотнул рукой. Рябой махновец, вместо того чтобы держаться за спусковой крючок, испуганно посмотрел на меня.

Трач нетерпеливо мотнул рукой второй раз...

Махновец опять заколебался. Скрепя сердце я кивнул головой. Шеренга ахнула... Одновременно грянул выстрел.

Простояв секунды три, Трач спокойно, подчеркнуто спокойно, направился к нам...

- Ну, что? - спросил он, подходя.

Красноармейцы молчали.

- Ну, что? - повторил он еще раз.

Тогда забурлило, захлопало все вокруг... И чей-то голос громко, но смущенно крикнул:

- Крыть нечем!

"Красный воин" (Москва), 1927, 24 июля